

УДК 81'27-116

DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-2-16-21

Садикова В.А.

**КАТЕГОРИИ, ПРЕДИКАБИЛИИ И ТОПЫ АРИСТОТЕЛЯ
КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ
КОММУНИКАТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

Доктор филологических наук. Тверской государственный университет:
ул. Желябова 33, г. Тверь, 170100, Россия. E-mail: vsadnik46@mail.ru

Аннотация

Топы, категории и предикабилии Аристотеля рассматриваются в единстве и взаимодействии. Автор сосредоточивает внимание на тех исторических моментах формирования и систематизации топов, которые позволяют понимать их не как «общие места», а как структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла. Первым основанием для этого служит позиция Аристотеля, основателя топики, который отождествлял топику с диалектикой, понимаемой как искусство вести диалог, общаться. Анализируются взгляды на топику Цицерона и Квинтилиана; выявляется причина негативного отношения к «общим местам» Декарта и др. Особое внимание уделяется топу ИМЯ, прослеживается его историческая судьба; высказывается предположение, что предлагаемое в статье понимание топа как структурно-смысловой модели является прообразом современного понятия *концепт*. Предлагается современная исчислимая система синтетических единиц (топов), основанная на топах, предикабилиях и категориях Аристотеля, которая представляет собой базу взаимопонимания людей в процессе общения, так как органично связывает актуальное бытие (ситуацию), язык-речь и мышление-сознание людей в каждый текущий момент коммуникации.

Ключевые слова: категории; предикабилии; топики; диалектика; структурно-смысловые модели; коммуникация; ситуация.

Sadikova V.A.

**CATEGORIES, PREDICABILIA AND TOPS OF ARISTOTLE AS A BASIS
OF THE MODERN SYSTEM OF COMMUNICATIVE LANGUAGE UNITS**

Doctor of Philology, Tver State University: 33Zhelyabov St., Tver, 170100, Russia. E-mail: vsadnik46@mail.ru

Abstract

Tops, Aristotle's categories and predikabilia are considered in unity and cooperation. The author focuses on those historical moments of the formation and ordering of tops that let you understand them not as "common places," but as structurally-semantic models engendering communicative sense. The first reason for this is the position of Aristotle, the founder of the tops, which juxtaposed topica with dialectics, understood as the art of dialogue, communication. The author examines the views on topica of Cicero and Quintilian; identifies the cause of negative attitudes towards the "common places" of Descartes and others. Special attention is paid to NAME. The author traces its historical destiny. It is suggested that the proposed understanding of top in the article as a structural-semantic model is the prototype of the modern notion of concept. The author offers a modern synthetic system (tops), based on the tops, predicabilia and Aristotle's categories, which is a database of understanding of people in the course of communication, as it organically links the immediate being, language-speech, and thinking-consciousness of people in every moment of communication.

Key words: categories; predicabilia; topica; dialectic; structural-semantic models; communication; situation.

Сегодня топики интересуют исследователей так же, как и более двух с половиной тысячелетий назад, но это понятие толкуется неоднозначно не только в разных науках, но и специалистами

одной и той же научной сферы. В то же время имеет место практически всеобщее филологическое отождествление топики с «общими местами»: [1], [2], [6], [10], [16]. Это

происходит не только в возрожденной риторике, но и в языкознании, культурологии, литературоведении. И сегодня современными исследователями топосы понимаются «как регулярно воспроизводимые элементы художественного произведения» [7], или некие константы – культурные, риторические, эстетические, художественные.

Преодолеть такое понимание и рассмотреть топы диалектически, придав им статус *вершинных языковых категорий-моделей* неимоверно трудно, но возможно и даже необходимо, если мы хотим сохранить историческую преемственность топики и в то же время сделать ее полезной для современных языковых исследований. Мы рассматриваем топику как *систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла*, т.е. идем *вразрез* с традиционным пониманием термина. Однако и понимание *традиции* тоже неоднозначно; представление о топах, их толкование, исторически менялось.

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на тех исторических моментах формирования и систематизации топов, которые позволяют понимать их не как «общие места», а как структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла.

Аристотель отождествляет свою топику с диалектикой: подзаголовки глав трактата – «Топика, или диалектика, и ее предмет», «О пользе диалектики», «Об овладении диалектикой» и т. д., и было бы ошибкой игнорировать это обстоятельство. Диалектика понимается Аристотелем, в первую очередь, как искусство вести диалог, общаться [4, с. 349–532]. Аристотель не дает в своем трактате определений «топики» и «топов», но подробно рассказывает, как их использовать. Он пишет о «Топике»: «Цель этого сочинения – найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение» [4, с. 349].

Согласно *традиционной* (утвердившейся в риторике) точке зрения на топику «отдельные топосы представляют собой общепризнанные понятия, служащие для описания мира» [8, с. 152]. Однако топка, понимаемая как диалектика, не может содержать «общепринятые точки зрения» по определению, потому что диалектика «не выводит заключений из чего попало, но только из того, что *нуждается в обсуждении*».

Ведь «мы совещаемся относительно того, что, по видимому, допускает возможность двоякого решения», и «никто не совещается относительно тех вещей, которые не могут, не могли и в будущем не могут быть иными» [3, с. 21].

В 19-м веке эта позиция Аристотеля не игнорировалась. Например, П.Г. Редкин пишет о «Топике» Аристотеля: «Такая-то диалектика и есть по Аристотелю не что иное, как то, что обыкновенно называют его топикой, то есть искусством, относящимся до общих мест (топос), *loci communes*, в смысле общих точек зрения, с которых можно вообще как защищать, так и опровергать данные положения, чем и объясняется само название топики» [15, с. 3]. Если бы под «точкой зрения» в данном контексте понималось общепринятое мнение, не могло бы быть и речи о том, чтобы «*как защищать, так и опровергать*», ибо это по определению невозможно. Пересказывая Аристотеля, П.Г. Редкин пишет: «В диалектических силлогизмах все атрибуты, сказуемые, которые могут быть приданы субъекту, подлежащему или могут быть по отношению к нему оспариваемы, сводятся к следующим четырем классам: *случайное* или случайный признак, *род*, *особенное* или особенный признак и *определение*; так что диалектика состоит преимущественно в знании и в навыке, в обсуждении и приложении этих четырех классов. Далее (гл. 5) разъясняется каждая из этих *точек зрения* или *общих мест* (топос)» [Там же, с. 6]. П.Г. Редкин выстраивает синонимический ряд, достаточно непривычный для современного распространенного взгляда на топику: четыре класса наиболее общих положений = четыре возможных точки зрения на объект как четыре аспекта рассмотрения объекта = «общие места» = топы.

В пятой главе первой книги «Топики» Аристотель дает характеристики этим четырем классам понятий, четырем «общим местам», четырем «точкам зрения», четырем аспектам рассмотрения «вещи». Аристотель называет их *предикабиями* и полагает принципиально отличными от категорий «числом десять». Если в «Категориях» Аристотель заботится о том, чтобы установить связь между вещами и речью (он все время поверяет «сказываемое» соответствием «первым сущностям»), то в «Топике» он предлагает еще одну систему категорий, которую так не называет: предикабии больше связаны с мышлением, чем с бытием, хотя взаимодействуют с категориями. Этому взаимодействию специально посвящена в «Топике» девятая глава

первой книги, где определена приоритетность бытия относительно мышления, зависимость мышления от бытия: «Ведь привходящее, и род, и собственное, и определение всегда принадлежат к одной из этих категорий. В самом деле, все положения, образованные посредством их, означают или суть [вещи], или количество, или качество, или какую-нибудь из остальных категорий» [4, с. 358].

Таким образом, система предикабилей выделялась и формировалась Аристотелем *по другому, чем категории, основанию*. На первом месте здесь *определение*, т. е. не *бытие*, а «сказывание» о нем, не сущность (она в категориях), а «речь, обозначающая суть». *Собственное* и *привходящее* – это *признаки*, которые следует различать посредством мыслительной операции. И *род*, «то, что сказывается...», для Аристотеля явно связан с мышлением: он относит *род* ко «вторым», хотя и «сущностям». Если иметь в виду предикабилей, то в «Топике» Аристотеля на первом месте *мыслительная деятельность, реализованная в речи*, мышление относительно бытия – *в общении*, т. е. тогда, когда «отстаиваем какое-нибудь положение». «Один топ состоит в рассмотрении того, не выдали ли за привходящее то, что присуще каким-то другим образом» [Там же, с. 374]; «Другой топ состоит в рассмотрении [вещей], о которых утверждают, что нечто присуще им всем или ни одному не присуще» [Там же, с. 375]; «Следующий топ состоит в том, чтобы дать определение привходящего и того, для чего оно есть привходящее, ...а затем выяснить, не взято ли в определении как истинное нечто неистинное» [Там же]. Таким образом, под топами у Аристотеля понимаются *определенные мыслительные операции* посредством категорий и предикабилей относительно «вещей», аспектов их бытия. Эта совокупность способов рассмотрения объектов действительности с разных сторон и с разных точек зрения и представляла собой собственно *топику* Аристотеля, его *диалектику*.

«Топику» Аристотеля невозможно изучать вне связи с его «Категориями». «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или *сущность*, или *качество*, или *количество*, или *отношение*, или *место*, или *время*, или *положение*, или *обладание*, или *действие*, или *страдание*» [3, с. 78]. Если эти основные категории Аристотеля являются «одновременно категориями языка и мысли» [18, с. 252], то «Топика» Аристотеля – *описание*

способов использования этих категорий в мыслительно-речевой деятельности, касающейся не истинностного, а правдоподобного знания, т. е. бытового мнения, которое может иметь любой человек и по любому вопросу. В этом смысле топика Аристотеля не дополнение к его классической (формальной) логике, но ведущее руководство к мыслительно-речевой деятельности людей.

Трактат Цицерона под тем же названием «Топика» [19, с. 56–81] – типичный образец объединения категорий, предикабилей и топов Аристотеля и переломный этап в развитии этой системы. Однако в отличие от Аристотеля, для Цицерона диалектика и топика далеко не одно и то же: к первой он относит «пути суждения», ко второй – «искусство приискания» [19, с. 58]. Удалив диалектику из топики и скалькировав термин Аристотеля «топ» как «место», Цицерон утверждает, что «этим словом Аристотель назвал как бы хранилища, откуда извлекаются доказательства» [Там же]. В числе этих «как бы хранилищ» он называет и *категории* Аристотеля, и его *предикабилей*, и собственно *способы*. При этом у него получается уже *другая* система топов. Он выделяет две разновидности «мест»: «одни связаны с тем, о чем ведется дело, другие же берутся со стороны» [Там же, с. 58]. К первой разновидности он относит *целое* (к которому присоединяет *определение*), *части*, *обозначение* («когда доказательство извлекается из смысла слов»), «соотносящееся с вопросом», где выделяет «множество частей», в том числе *род*, *вид*, *уподобление*, *различие*, *противоположности*, *обстоятельства*, *причину*, *следствие*, *сравнение*. Вторая разновидность соотносится с теми доказательствами, которые «выводятся прежде всего из авторитета или свидетельства» [Там же, с. 58–61, 74]. Цицерон подробно рассматривает каждое из «мест», стремясь, с одной стороны, их разграничить, с другой – выявить моменты их взаимодействия.

Квинтилиан, при всем своем благоговении перед Цицероном, возвращает термину «диалектика» аристотелевское понимание и разделяет, в свою очередь, «общие места» и «источники изобретения». Под первыми он понимает общепринятые мнения, «заготовки», которые можно при случае использовать; под вторыми – *наиболее общие категории*, в соответствии с которыми можно строить собственные высказывания, излагая – по одним и тем же моделям – разные точки зрения. При этом «источники изобретения» Квинтилиана

практически совпадают с категориями Аристотеля [4, с. 53–90; 12, с. 350–375].

Таким образом, понимание в современной риторике топики как «общих мест» имеет, скорее всего, своим истоком *общепринятые мнения, «заготовки»* Квинтилиана. Тогда как топики как система структурно-смысловых моделей восходит к *«источникам изобретения»* Квинтилиана, основанным на категориях Аристотеля, которые, в свою очередь, есть систематизация, обобщение общечеловеческого опыта в бытии и мышлении.

В средние века топики уже не отождествляется с диалектикой, но диалектика отождествляется с логикой, и никакого теоретического развития топики как диалектика в это время по сути дела не получает.

Общая тенденция формализации и опрощения топики прослеживается в исторической судьбе топа ИМЯ. Категорию *имя* Аристотель еще не выделяет, потому что для него важнее *сущность* – категория, непосредственно связанная с бытием, а в предикабилиях – *определение*, которое «есть речь, обозначающая суть бытия» [4, с. 353]. Хотя неформально, не выделенное в качестве категории, *имя* у Аристотеля употребляется довольно часто: «... у того, что говорится о подлежащем, необходимо сказывается и имя и понятие» » [Там же, с. 56]. Или: «... если нечто находится в подлежащем, то ничто не мешает, чтобы его имя иногда сказывалось о подлежащем» [Там же, с. 58]. Цицерон же выделяет в своей «Топике» *обозначение*, «когда доказательство извлекается из смысла слов» [19, с. 58], понимая этот топ чисто прагматически, не связывая с сущностью бытия и не выделяя топ *сущность*. И, наконец, у М. В. Ломоносова *имя* связывается уже исключительно со *словопроизводством* и *словосцеплением* [13]. Из перечня М. В. Ломоносова *имя*, связанное только с происхождением слова, с его этимологией, видимо, и перешло в современные риторики: «Топ имени <...> используется для обоснования значения, которое свойственно или приписывается соответствующему слову. Это значение слова «по этимологии» апеллирует к языку или отражению «народного сознания», «общего мнения» [10, с. 58]. «Смысловая модель «имя» является источником изобретения мыслей, развития темы – обращение к происхождению и (или) смыслу слова (имени)» [14, с. 158]. Недостаточность такого понимания топа ИМЯ представляется очевидным, хотя оно логически

вытекает из толкования топов как *общих мест*. По Аристотелю имя – это всегда *имя сущности*, и это совсем не этимология, не история, а *современное* (тогда – для Аристотеля, сейчас – для нас) понимание *имени*, которое ближе всего к сегодняшнему *концепту*.

Схоластическая традиция понимания древних греков была преодолена далеко не сразу. Р. Декарт, например, отождествляет диалектику с общими местами, противопоставляя ее логике, полагая, что «диалектика скорее нарушает здравый смысл, чем укрепляет его, <...> погружая наш ум в эти общие места и посторонние для сути вещей вопросы» [11, с. 483]. Другие авторы также выражают свое негативное отношение к «общим местам»: «Не стоит задаваться вопросом, когда следует рассматривать общие места: это не важно. Быть может полезнее разобраться, не лучше ли было бы не рассматривать их вовсе» [5, с. 236].

Однако топики настолько вездесуща, что фигурирует, не узанная, даже у тех ученых, которые ей безоговорочно отказали в праве на существование в качестве «общих мест». А. Арно и П. Николь размышляют «о разновидностях общих идей: родах, видах, видовых отличиях, собственных признаках, случайных признаках». Они не связывают их с «общими местами», а по сути – рассматривают их, но в диалектическом смысле, как топы-категории [5, с. 54–65]. Таким образом, рассматривая «общие места» как конкретные аргументы, одинаково пригодные на все случаи жизни, авторы справедливо отвергают их возможность использования в речи как не творческие, застывшие, ограничивающие содержательность и глубину речи. В то же время они чувствуют их применимость в качестве обобщенных приемов глубокого размышления над предметом речи, потому что в любом высказывании есть и абстрактная, схематичная, модельная составляющая, и конкретная, лексико-синтаксическая, семантическая составляющая.

Наблюдая и анализируя современные способы общения, мы убедились, что категории, предикабилии и топы Аристотеля продолжают оставаться базой для взаимопонимания и речевого взаимодействия людей. Опираясь на них, мы выделяем наиболее оптимальный, на наш взгляд, перечень *современных* топов, понимаемых диалектически, как система вершинных языковых категорий и структурно-смысловых моделей, реализуемых как в бытовой речевой практике, так и в любом научном гуманитарном исследовании:

1.ДЕЙСТВИЕ, 2.СТРАДАНИЕ (испытание воздействия), 3.ПРИЧИНА, 4.СЛЕДСТВИЕ, 5.СВОЙСТВА (признаки, качества), 6.ЧАСТИ, 7.ЦЕЛОЕ, 8.СРАВНЕНИЕ, 9.СОПОСТАВЛЕНИЕ, 10.ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ (противопоставление), 11.ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), 12.ИМЯ, 13.ОБЩЕЕ (абстрактное), 14.ЧАСТНОЕ (конкретное), 15.РОД, 16.ВИД, 17.ОПРЕДЕЛЕНИЕ, 18.ПРИМЕР, 19.СВИДЕТЕЛЬСТВО, 20.СИМВОЛ.

Ими формируются *все* смыслы, которые мы можем породить *в процессе общения* и познания, потому что топика – это наш способ структурирования Мира, в котором мы живем. Предложенный список не повторяет перечень Аристотеля или какой-либо список из древних или современных риторик, но основан на идее *исчислимости* этого перечня, потому что для того, чтобы мы понимали друг друга в процессе общения, таких моделей взаимодействия должно быть *ограниченное количество*.

Каждый топ – это идеальная модель, предел, *инвариант* определенного *типа* высказываний, связанный не с грамматикой и лексикой, а с *коммуникативным смыслом*, который образуется **только в конкретной ситуации в данный момент общения**. Попробуем это показать на элементарном примере – высказывании, произнесенном по двум разным поводам в разных бытовых ситуациях: *Я иду в школу*.

Ситуация 1. Сестра просит брата сбежать в магазин за хлебом. Брат отвечает: *Я иду в школу* (т.е. не могу пойти за хлебом, потому что мне пора идти в школу). *Коммуникативный смысл* реализован топом ПРИЧИНА и выражен высказыванием «Я иду в школу».

Ситуация 2. Знакомый приходит в семью, в которой не был семь лет. Видит ребенка, о существовании которого даже не знал. Невольно восклицает: *О, у вас малыши...* Дети не любят, когда их называют малышами. Ребенок реагирует: *Я иду в школу!* (т.е., я уже большой, а не маленький). *Коммуникативный смысл* реализован топом ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ и выражен тем же самым высказыванием «Я иду в школу».

Топы как структурно-смысловые модели адекватно отражают целостность бытия в сознании людей и позволяют эту целостность оперативно структурировать «здесь и сейчас» в процессе общения. Топы, имеющие диалектическую природу, пребывающие в языке как *вершинные языковые категории*, реализующиеся в мышлении и речи как *структурно-смысловые модели*, обязаны своим функционированием исключительно

коммуникации, поэтому не могут изучаться в отрыве от общения, несмотря на свой абстрактный характер. Общение, в свою очередь, обуславливается *ситуацией* как конкретизированным бытием, а рекурсивный характер топика как системы связывает воедино Язык, Мышление и Бытие – через **коммуникацию**, через общение индивидуальных сознаний.

Сегодня наука делает поворот к своим истокам, и на повестке дня всё настойчивее проявляется идея интеграции наук с центральным объектом изучения – человеком: «Возрастание роли *субъекта познания* требует максимального фокусирования на *языке как достоянии пользующегося им человека*, включённого в определённое физическое и социальное окружение и *переживающего* процесс познания и его продукты при постоянном взаимодействии чувственного, рационального и эмоционального аспектов функционирования индивида как целостности, которую нельзя «препарировать» [9, с. 4].

Полагаем, что топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла *может способствовать* анализу такой *процессуальной целостности*, не подвергая её убийственному препарированию.

Список литературы

1. Аннушкин В.И. Риторика: Вводный курс: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 296с.
2. Александров Д.Н. Риторика или Русское красноречие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 351с.
3. Аристотель. Категории / Пер. А.В. Кубицкого. М.: Гос. соц.-эконом. изд., 1939. 84с.
4. Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687с.
5. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. М.: Наука, 1991. 413с.
6. Ассиурова Л.В. Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания: дис... д-ра. педаг. наук. М., 2003. 550 с.
7. Булгакова, А.А. Топика в литературном процессе: пособие / А.А. Булгакова. – Гродно : ГрГУ, 2008. 107 с.
8. Варзонин Ю.Н. Когнитивно-коммуникативная модель риторики: дис... д-ра. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2001. 268 с.
9. Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. 2007, № 5. С.4–12.

10. Волков А.А. Основы риторики: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2003. 304 с.

11. Декарт Р. Беседа с Бурманом // Соч. в 2-х т. Т.2. М.: Мысль, 1994. С. 447–488.

12. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. В 2-х частях. / Пер. А. Никольского. Часть 1. СПб., 1834.

13. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. Т.7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 89–378.

14. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.

15. Редкин П.Г. Обзорение существенного содержания философских сочинений Аристотеля. Окончание логики: топика // П.Г. Редкин. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще.— С-Пб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. – Т. 6. – С.1–43.

16. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М.: Флинта: Наука, 2005. 176 с.

17. Садикова В.А. Топ «ИМЯ» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. № 2 (19). 2010. Идентификационный номер 0421000038\0012. URL: <http://tverlingua.ru> (0,5 п.л.).

18. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.

19. Цицерон М.Т. Топика // Марк Туллий Цицерон. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1975. С. 56–81.

References

1. Annushkin V.I. Rhetoric: Introductory Course: Textbook. М.: Flinta: Nauka. 2006. 296p.

2. Aleksandrov D.N. Russian Rhetoric or Oratory. М.: YuNITI-DANA. 2003. 351p.

3. Aristotel. Categories / Per. A.V. Kubitskogo. М.: Gos. sots.-ekonom. izd.. 1939. 84 p.

4. Aristotel. Works in 4 volumes. Vol. 2. М.: Mysl. 1978. 687p.

5. Arno A., Nikol P. Logic, or the Art of Thinking. М.: Nauka. 1991. 413p.

6. Assuirova L.V. Toposy as Rhetorical Categories and Structural-semantic Models Engendering Sayings: dis... d-ra. pedagog. nauk. М.. 2003. 550p.

7. Bulgakova. A.A. Topica in a Literary Process: / A.A. Bulgakova. – Grodno : GrGU. 2008. 107 p.

8. Varzonin Yu.N. Cognitive-communicative model of rhetoric : dis... d-ra. filol. nauk. Tver: TvGU. 2001. 268 p.

9. Zalevskaya A.A. Dynamics of Interdisciplinary Approaches to Knowledge and Some Tasks of the Psycholinguistic Research // Voprosy psikholingvistiki. 2007. № 5. Pp.4–12.

10. Volkov A.A. Basics of Rhetoric: a Textbook for High Schools. М.: Akademicheskii projekt. 2003. 304 p.

11. Dekart R. A Conversation with BURMAN // Soch. v 2-kh tt. Т.2. М.: Mysl. 1994. Pp. 447–488.

12. Kvintilian M.F. Twelve Books of Rhetorical Instruction. In 2 parts. /Per. A. Nikolskogo. Chast 1. SPb. 1834.

13. Lomonosov M. V. A Brief Guide to the Oratory // Poln. sobr. soch. Т.7. Trudy po filologii 1739-1758 gg. М.-Л.: Izd. AN SSSR. 1952. Pp. 89–378.

14. Mikhalskaya A.K. Basics of Rhetoric: Thought and Word. М.: Prosveshcheniye. 1996. 416 p.

15. Redkin P.G. Review of the Substantive Content of the Philosophical Writings of Aristotle. The End of Logic: Topica. // P.G. Redkin. Iz lektсий po istorii filosofii prava v svyazi s istoriyey filosofii voobshche. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 1891. Т. 6. P.1–43.

16. Rozhdestvenskiy Yu.V. Principles of Modern Rhetoric. М.: Flinta: Nauka. 2005. 176 p.

17. Sadikova V.A. Top "Name" // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal. № 2 (19). 2010. Identifikatsionnyy nomer 0421000038\0012. URL: <http://tverlingua.ru> (0,5 p.l.).

18. Stepanov Yu.S. Method and Language. To Contemporary Philosophy of Language. М.: Yazyki russkoy kultury. 1998. 784 p.

19. Tsitseron M.T. Topica // Mark Tulliy Tsitseron. Izbrannyye proizvedeniya. М.: Khudozhestvennaya literatura. 1975. P. 56–81.